

Завет Соломона.

(200 г.)

Завет Соломона - книга, которая является частью Pseudepigrapha, собрания текстов, написанных между 200 г. до н.э. и 200 г. н.э. и ложно приписанных различным ключевым фигурам, а именно пророкам и королям еврейских священных писаний. Завет самого Соломона, как считают, написан между первым и четвертым столетием, но современная наука определяет эту дату приблизительно 200 годом (Иудейская Энциклопедия (Encyclopaedia Judaica), Брунел (Brunel)). Несмотря на то, что касательно этого текста известно очень немного, Иудейская Энциклопедия заявляет, что он «несомненно основан на иудео-греческой магии» (246), другие источники определяют его как «самый ранний компендиум демонов» и «самый ранний текст, представляющий Соломона в роли мага, который стал первоосновой последующих еврейских знаний» (Schwartz 1988, 7). Хотя смесь значительно отличающихся суждений усложняет определение непосредственного источника этой компиляции, текст был идентифицирован как «специфический сплав гностицизма, основанный на еврейской традиции под влиянием египетских, ассирийских, греческих, и особенно орфических знаний (Gaster 157).

Ссылка на Лилит в этом тексте более детализирована чем в Эпосе о Гильгамеше, и, что более важно, представляет явно отличающуюся версию истории Лилит: ведьмы – убийцы детей. В то время как персонаж текста не носит имени Лилит, она названа Обизу (Obizuth), ее собственное само-описание явно идентифицирует ее с той, кто была известна позже как Лилит. Так же этот текст содержит «самое раннее упоминание традиции защиты от этой демонессы с помощью амулетов; традиции которая стала центральной частью легенды о Лилит» (Schwartz 1988, 7). Нужно также обратить внимание, что согласно текстам защитного свойства и литературным источникам, Лилит сама указывает, что у нее не одно имя. Так, можно с уверенностью идентифицировать Лилит и Обизу. В тексте, рассматриваемого источника, в главе 57 (или главе 13 в переводе James H. Charlesworth), читаем следующее:

И я воззвал именем бога Израиля, и заклинал другого демона явиться ко мне. И предстал передо мной дух в форме женщины, у которой была только голова, но не было конечностей, и ее волосы были растрепаны. И я спросил ее: «Кто ты?». Но она ответила: «Нет, кто ты? И почему ты спрашиваешь меня? Если ты хочешь спрашивать меня, стоящую перед лицом твоим, иди прежде и омой свои руки. Тогда садись вновь, и задавай вопросы, и ты узнаешь, король, кто я».

И я, Соломон, делал то, что она обязала меня делать, следуя мудрости своей, чтобы услышать о ее делах и понять их, и явить их людям. И я сел и спросил демона: «Кто ты?» И она сказала: «Среди людей я ношу имя Обизу, и ночью я не сплю, но хожу по миру и вхожу к рожаящим женщинам. И в предсказанный час, я занимаю свое место, и если мне удастся, я удушаю ребенка. Если сие мне не удастся, я ищу другое место, поскольку я не могу пропустить ни единой ночи, не исполнив задуманное. Я - жестокий дух с мириадам имен и множеством форм. Я хожу здесь и там... Но и сейчас, хотя ты запечатал меня в круг с именем бога, ты не можешь ничего сделать. Я не остановлюсь перед границей, и ты не сможешь приказывать мне. Поскольку у меня нет иных целей, чем убийство детей и причинение вреда их ушам, и их глазам; запечатывание их ртов и лишение их разума, и причинение боли их телам».

Когда я, Соломон, слышал это, я дивился ее внешности, поскольку все ее тело было во тьме. Но ее взгляд был ярок и радостен, и ее волосы были дико растрепаны, подобно драконьим, и все ее конечности были невидимы. И ее голос был очень чистым, и он проникал в меня. И я лукаво сказал ей: «Скажи мне, какой ангел противостоит тебе, О Злой Дух?». И она ответила мне: «Ангел бога по имени Афарот (Afarof), который также носит имя Рафаэл (Rafael), противостоит мне сейчас, и в течение всего времени. Его имя, если оно известно человеку, написанное на рождающей женщине, лишит меня способности войти в нее. Число имени его – 640». И я, Соломон, услышав это, и прославив бога, приказал, чтобы ее волосы были связаны, и чтобы она была повешена перед Храмом бога, чтобы все дети Израиля проходя мимо, могли бы видеть это и прославлять бога Израиля, кто дал мне власть и мудрость, и силу бога посредством этой печати. (Gaster 157-159).

Нужно обратить внимание на физическое появление Лилит/Обизу в этом тексте: ее глаза «яркие и радостны» и ее волосы «дикие». Обратите внимание, одно из наказаний Соломона должно связать ее волосы и повесить ее перед храмом, на виду у всех. В «Книге Лилит», Барбара Колтув (The Book of Lilith, Barbara Black Koltuv) отмечает касательно этого связывания волос:

Традиционно, волосы женщины рассматривались как увенчивание ее славой, как символ ее мудрости, аспект ее уникальной женской природы. Невесты Христа, весталки девственницы, ортодоксальные еврейские невесты должны были жертвовать своими длинными соблазнительными и заманивающими в ловушку волосами. Волосы женщины были острижены, связаны и закрыты в попытке отделить ее от сексуально соблазнительной власти, данной Лилит.

Тем не менее, необходимо обратить внимание, что волосы Лилит насильственно связаны, что способствует уменьшению ее власти, и она помещена перед людьми как воплощение урока Соломона «детям Израиля».

Сама идея «урока» также важна, поскольку, как это будет показано позже, убийство детей, совершаемое Лилит, было наказанием тем, кто грешил. Фактически, образ Лилит связан с идеей наказания и возмездия в этом раннем тексте, что должно помочь объяснить ее более поздние описания.

Прежде всего, однако, этот отрывок важен, потому что изображает Лилит в качестве убивающей детей колдуньи. Согласно Говарду Шварцу в его предисловии к «Пещере Лилит» (Howard Schwartz. Lilith's Cave):

Имеются два первичных аспекта легенды Лилит: как воплощение страсти, Лилит вводит в грех ничего не подозревающих мужчин; в своем воплощении уничтожающей детей ведьмы, она удушает беспомощных младенцев. Интересно обратить внимание, что эти два аспекта легенды развиваются отдельно, и вряд ли можно найти текст, в котором Лилит играет обе роли.

В то время как роль Лилит, как первой жены Адама, более близко связана с первым аспектом чем со вторым, более верно выделить ее в отдельную категорию. Шумерский эпос о Гильгамеше, который в точности не соответствует ни одной категории, кажется отражает миф об Адаме и Эдеме. Завет Соломона точно принадлежит ко второй категории.

Второе воплощение Лилит – «уничтожающая детей» - является основой изучения мифа Лилит, поскольку это - воплощение ее персонажа, который появляется почти во всех археологических свидетельствах ее мифологического существования.